

Моему отцу, учителю и другу

День дню передает речь,
ночь ночи открывает знание.

Пс. 18: 3

ВВЕДЕНИЕ

Коран играл и продолжает играть важнейшую роль в религиозной, культурной и политической жизни мусульманских государств и многочисленных исламских общин, разбросанных по всему миру. К его идеям и образам, как и раньше, апеллируют современные мусульманские идеологи и пропагандисты.

Роль Корана в жизни отдельного индивида и мусульманского общества в целом во многом уникальна. И анализ средневековых текстов, и современные социологические опросы выявляют роль Корана как *ведущего* элемента социально-коммуникативной системы, его знаковый, символический характер. Для значительного большинства мусульман Священный текст объединяет представления о земном мире и космосе, структурирует бытие во всех его проявлениях, является оберегом и оружием. По мнению миллионов мусульман, ход истории раскрывает все новые и новые коранические истины, свидетельствует о предопределенности судеб мира. Они убеждены, что все новые *āyat*¹ получают, в частности, истолкование как предсказание научных открытий и важных исторических событий. С этой точки зрения Коран — постоянно звучащее и обновляющееся пророчество, своеобразный код, посредством которого были зашифрованы сообщения о будущем.

Параллельно со становлением и развитием «науки о Коране» (*‘ilm al-Қur’ān*) множились попытки постигнуть тайный смысл текста, использовать его для предсказания индивидуального

¹ Систему транслитерации см. в *приложении 5*.

и коллективного будущего. Вместе с тем на всей огромной территории своего распространения ислам сталкивался с местными религиозными традициями, многие элементы которых органично вливались в него, образуя сложнейшую систему верований и обрядов, весьма далеких от догм, установлений и ритуалов «книжного» ислама. Постепенно в рамках религии, вобравшей в себя семитские, эллинистические, индийские, иранские традиции, стала складываться собственно мусульманская магия, пришедшая на смену языческим практикам. Так появилась *'илм ал-зайб* — наука (или «искусство») постижения сокровенного.

Исключительная важность изучения Корана — памятника, лежащего в основе мусульманской религиозной доктрины, — обуславливает необходимость обращения к данной теме. Здесь средства этнографии оказываются не менее эффективными, чем методики других дисциплин: они позволяют увидеть то, что остается скрытым для востоковеда широкого профиля, филолога или историка религии. В последние годы мир становится свидетелем многочисленных попыток навязать всему мусульманскому сообществу, в том числе мусульманам, живущим в России, социальные ориентиры и традиции, обычаи и ритуальную практику, связанные с социально-политической историей и религиозным опытом лишь одной, в численном и культурном отношении сравнительно небольшой, части исламского мира.

Региональные формы бытования ислама, сложившиеся как результат взаимодействия местного культурного субстрата, базовых элементов идеологии, различных и разнообразных внешних влияний, безусловно, «равноценны» и, как правило, самодостаточны. Сегодня очевидно, что только «местный ислам», впитавший всю палитру религиозных традиций и предпочтений, неразрывно связанный с историей «своего» народа, с его победами и трагедиями, способен дать адекватный ответ на духовные запросы верующих. Только такой ислам может стать важнейшим фактором стабильности в обществе.

В последние годы в геометрической прогрессии множатся попытки богословов и полемистов, связанных с радикальным направлением в исламе, доказать «запретность» означенных выше

практик. Между тем они являются органичной частью религиозных традиций мусульман, живущих по всему мусульманскому миру — в Центральной Азии и Магрибе, Иране и Индии, Африке и Китае.

На протяжении многих лет образцовыми считались работы по мусульманской магии, созданные Э. Вестермарком, Б. А. Дональдсон, Э. Доте¹, которые и сегодня не утратили своей актуальности. В них предпринята серьезная попытка систематизации материалов, связанных с исламскими магическими практиками, описанными как самими авторами этих монографий, так и их предшественниками. Крупнейшим специалистом по рассматриваемой проблеме считается профессор Тауфик Фахд, однако его огромная эрудиция обращена в первую очередь к доисламскому прошлому Аравии². Тем не менее именно ему принадлежит основной блок статей по мусульманской магии, вошедших в наиболее авторитетное на сегодняшний день справочное издание по исламу³. Мы рассматриваем как важный шаг обращение к данной проблематике ученика Т. Фахда — Анатолия Коваленко⁴. В диссертации, написанной автором по-французски и опубликованной в 1981 году в Женеве небольшим тиражом⁵, поэтому оставшейся практически недоступной для коллег, живущих вне Швейцарии, автор развивает направление, связанное с исследованием собственно исламской магии.

¹ *Westermarck E. Pagan Survivals in Mohammedan Civilization: Lectures on the Traces of Pagan Beliefs, Customs, Folklore, Practices and Rituals Surviving in the Popular Religion and Magic of Islamic Peoples.* L., 1933; *Donaldson B. A. The Wild Rue.* L., 1938; *Doutte E. Magie et religion dans l'Afrique du Nord.* Alger, 1909.

² *Fahd T. La divination arabe, études religieuses, sociologiques et folkloriques sur le milieu natif de l'Islam.* Leiden, 1966; *Idem. Le pantheon de l'Arabie Central a la veille de l'hegire.* P., 1968.

³ *Encyclopedia of Islam, CD-ROM edition.* V. 1.0. Leiden, 2002. (Далее — *EI*).

⁴ *Kovalenko A. Magie et Islam. Les concepts de magie (sihr) et de sciences occultes (ilm al-ghayb) en Islam: diss.* University of Strasbourg, 1979.

⁵ *Kovalenko A. Magie et Islam.* Geneva, 1981.

Отдельного упоминания заслуживает подборка статей, принадлежащих Ч. Бернету¹, опубликованных в классической серии “*Variorum reprints*”, одно участие в которой означает высокую оценку работ автора. Работа Бернета важна как попытка сопоставительного анализа христианской и исламской магических практик. Сюда же можно отнести и книги У. Баджа² и Д. А. Хульса³, важные с точки зрения сравнительного изучения магических систем и текстов, принадлежащих разным цивилизациям. Обычно работы такого рода страдают недостаточно глубоким уровнем проникновения в конкретный материал, но представляют собой важный инструмент сравнительного анализа.

Неотъемлемой частью системы традиционной мусульманской магии являются талисманы, однако их исследование требует специальной подготовки, многолетней работы с музейными коллекциями. Приоритет в исследовании центральноазиатских талисманов принадлежит отечественной науке. Здесь в первую очередь необходимо упомянуть прекрасную работу Л. А. Чвырь, посвященную таджикским ювелирным украшениям. Интерес вызывает также книга Д. А. Фахретдиновой, в которой рассматривается ювелирное искусство Узбекистана в широком этнокультурном контексте⁴.

Среди работ, опубликованных за последние годы на русском языке, следует отметить главу из книги Е. А. Резвана «Коран и его мир», озаглавленную «*Таҳаджжаба би ал-муҳаф*: талисман, щит и меч»⁵, и хрестоматию Ф. И. Абдуллаевой «Персидская кораническая экзегетика (переводы, тексты, комментарии)»⁶, в зна-

¹ *Burnett Ch.* Magic and Divination in the Middle Ages: Texts and Techniques in the Islamic and Christian Worlds. Aldershot; Brookfield, 1996.

² *Бадж У.* Амулеты и суеверия. М., 2000.

³ *Hulse D. A.* The Eastern Mysteries. An Encyclopedic Guide to the Sacred Languages and Magickal Systems of the World: The Key of It All. Minnesota, 2000.

⁴ *Чвырь Л. А.* Таджикские ювелирные украшения. М., 1977; *Фахретдинова Д. А.* Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

⁵ *Резван Е. А.* Коран и его мир. СПб., 2001. С. 321–351.

⁶ *Абдуллаева Ф. И.* Персидская кораническая экзегетика (переводы, тексты, комментарии). СПб., 2000.

чительной части посвященную персидским кораническим комментариям, связанным с магическими сюжетами.

В отличие от периода конца XIX — начала XX века, со второй половины XX века обращение к данной проблематике европейских ученых по ряду причин не носит систематического характера. С этим связано и отсутствие научных достижений качественно нового уровня.

Настоящая работа ограничена кругом тем, связанных с коранической магией, то есть в первую очередь с магией текста (в обеих его ипостасях — письменной и устной). По классификации знаменитого османского историка и библиографа Хаджжи Халифы (1017–1067 / 1609–1657)¹, изложенной в его знаменитом библиографическом сочинении «Кашф аз-Зунун ‘ан асамй ал-кутуб ва ал-фунун» («Раскрытие мнений о названиях книг и наук»), это:

— *‘илм ал-хавāсс* — наука о свойствах букв и чисел (*абджад, джафр, хурӯф*), «прекрасных Божественных имен» (*ал-асмā’ ал-хуснā*);

— *‘илм ар-руқйā* — наука об использовании магических формул и заклинаний;

— *‘илм ал-филақтйрāt* (φυλαχτήρια) — искусство изготовления талисманов;

— *‘илм ал-фа’л* — наука о знамениях;

— *‘илм ал-қур’а* — рапсодомантия.

Искусство гадания с помощью текста Корана развивалось на основе двух традиций: ономотомантии (*‘илм ал-джафр, ‘илм ал-хурӯф*), то есть постижения тайного смысла отдельных букв, слов или имен собственных, входящих в текст, и рапсодомантии (*‘илм ал-қур’а*), то есть истолкования значения самого текста. Настоящее исследование направлено на изучение именно этих

¹ Здесь и далее первыми приводятся годы *хиджры*, за ними следуют их эквиваленты по христианскому летоисчислению. Для корректировки дат по мусульманскому и григорианскому летоисчислению нами использовался конвертор, доступный по адресу: URL: <http://www.islamicfinder.org/dateConversion.php>.

аспектов, а также их практической реализации в виде текстов и предметов материальной культуры, главным образом талисманов (*тамйма*).

Среди ключевых моментов настоящего исследования можно назвать:

— выявление и подробное описание связанных с текстом Корана элементов (букв, цифр, слов, имен собственных), использовавшихся в магической практике;

— выяснение конкретного значения, которым тот или иной знак наделялся в магическом контексте;

— рассмотрение принципов использования коранического текста в качестве оракула и одного из инструментов извлечения предзнаменований;

— установление и описание ритуала, предваряющего гадание по Корану;

— описание основных типов мусульманских коранических талисманов, важнейших особенностей их изготовления и применения;

— описание свойств отдельных *айатов* и *сўр*, использовавшихся в качестве силы, определяющей действенность талисмана.

В основе данной работы лежит попытка исследования рукописи как историко-этнографического объекта, попытка прочтения ее «внутреннего текста» с помощью дешифровки внетекстового культурного кода. Восточная рукопись, лежащая на рабочем столе европейского ученого, много десятилетий или веков назад была изъята из сложного контекста, определявшего ее бытие. Созданная в ответ на нужды людей, живших в конкретное время и в конкретной стране, рукопись несла важные знания, радовала глаз своим оформлением и красотой каллиграфии, могла исполнять роль талисмана, несла потомкам информацию семейного содержания, хранила заметки прежних владельцев и читателей и многое, многое другое. Несмотря на то что часто многие из элементов такого контекста утрачиваются с годами навсегда, в распоряжении внимательного исследователя имеются инструменты, позволяющие восстановить хотя бы его часть и тем самым понять подлинное значение того или иного списка, которое, как правило,

значительно шире привычного тождества *рукопись = ее текст*. Более того, множество элементов, о которых идет речь, в совокупности образуют особый код, без дешифровки которого невозможно понимание значения рукописи во всей его полноте.

При этом значение, например, талисмана, предмета военной амуниции или ювелирного украшения с коранической надписью может быть понятно лишь внутри традиции, трактуемой текстами, которые по большей части дошли до нас в рукописях. Настоящее исследование — попытка подтвердить это положение.

Рукописи и предметы, о которых идет речь, происходят в основном из Центральной Азии, Ирана, Поволжья и датируются XVIII–XIX веками. Однако географические и хронологические рамки исследования значительно шире. Истолкование избранных рукописей и музейных вещей возможно лишь в рамках общемусульманской традиции, восходящей ко временам пророка Мухаммада. Географический ареал этой традиции соответствует *dār al-islām*, всей территории распространения религии, возникшей в Аравии в VII веке. Понятно, что в этом случае даже в сравнительно узких рамках заявленной темы объем материала, по существу, неисчерпаем. В связи с этим мы были вынуждены следовать лишь ключевым этапам дискуссии по проблеме, развивавшейся в мусульманском сообществе на протяжении веков, и уделить особое внимание периоду XV–XVIII веков. Именно тогда в исламе произошли важнейшие изменения идеологического порядка — речь прежде всего идет о росте влияния и распространения суфийских учений. Одним из следствий их торжества стало резкое возрастание роли магического начала в ежедневной жизни. Все это сказалось на характере использования как Корана в целом, так и отдельных фрагментов его текста.

Естественным образом благодаря обращению к материалам интернета и современным мусульманским публикациям в хронологические рамки нашего исследования оказался включенным и ряд актуальных сегодня элементов традиционной культуры.

Основой работы послужили источники разного характера. Это и собственно текст Корана, восточные рукописи из различных

собраний¹, предметы материальной культуры (талисманы, ювелирные украшения), многочисленные статьи и монографии, связанные с изучаемой проблематикой, текущие публикации по гадательным практикам, пользующимся популярностью на Ближнем Востоке².

Главный объект исследования составили коранические рукописи из собрания Института восточных рукописей (ИВР) РАН, которые рассматриваются в первую очередь в историко-этнографическом контексте, и музейные предметы из этнографических коллекций МАЭ РАН. Помимо собственно рукописей Корана, в работе использовались персидские и арабские рукописные тексты из собрания ИВР РАН, отражающие теоретические вопросы, касающиеся магии текста и гадательных процедур, а также содержащие ценную информацию о магических практиках, связанных с Кораном³.

Мы активно использовали и сообщения этнографов-путешественников, ученых-дескриптивистов XIX века⁴. Важное зна-

¹ Это прежде всего собрание Института восточных рукописей (ИВР) РАН (см.: Персидские и таджикские рукописи Института востоковедения Российской академии наук: краткий алфавитный каталог / О. Ф. Акимушкин [и др.]; под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая. Нью-Йорк, 1995; Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР: краткий каталог / С. М. Бациева [и др.]; под ред. А. Б. Халидова. М., 1986) и коллекция Института востоковедения им. Бируни Академии наук Узбекистана (Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР / под ред. и при участии А. А. Семенова. Ташкент, 1960).

² См., например: Рāхнамā-йи истих̄āра бā Кур'āн. (Руководство по гаданию с помощью Корана) / сост. Ғулām Ридā Нава'й. Тегеран, 1381.

³ Для разделов 1.2 — В 839; 1.2.1 — В 1991; 1.3 — А 91, А 1219, В 1009, В 1595, В 1810, В 2577, В 2867, В 2966; 2.2 — А 528, А 1426, В 349, В 361, В 844, В 1957, В 2062, В 2211, В 4474, С 462, С 693, С 1404, С 1555.

⁴ См., например: *Симонова Л.* Чародейство, гадание и лечение сартянок в Самарканде // СКСО. Самарканд, 1894. II/4. С. 90–122; *Лыкошин Н. С.* О гадании у среднеазиатских туземцев // Там же. Самарканд, 1907. IX. С. 163–212; *Катанов Н.* Гадания у жителей Восточного Туркестана, говорящих на татарском языке // ЗВОРАО. 1894. VIII. С. 105–112; *Веселовский Н. И.* Сообщение о суевериях мусульманского населе-

чение имеют научные описания вещей из музейных и библиотечных коллекций¹. Особого внимания заслуживают связанные с темой нашего исследования тома описаний рукописей и предметов из коллекций знаменитого собрания Н. Д. Халили². Описания, подготовленные ведущими специалистами, в совокупности создают систему эталонов, которая позволяет отождествить, датировать и локализовать множество предметов, разбросанных по разным коллекциям.

ния Средней Азии // Там же. 1887. I. С. VII; *Лэйн Э. У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века. М., 1982; *Hayes H. E.* Islam and Magic in Egypt // MW. 1914. IV. P. 396–406.

¹ Амулеты у мусульманских народов Крайнего Востока // Средняя Азия. 1911. Кн. VII. С. 103–118; *Марков А.* Арабский жетон-амулет // ЗВОРАО. 1906. I/1. С. 80–82; *Бронникова О. М., Вишневская В. А.* Каталог коллекций отдела Средней Азии и Казахстана МАЭ // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. (Сб. МАЭ. Вып. XLIII). Л., 1989. С. 180–222; *Bachatly C.* Notes on quelque amulettes Egyptiennes // BSGE. 1929–1931. XVII. P. 49–60, 183–188; *Cabaton A.* Amulettes chez les peuples Islamises de l'Extreme-Orient // RMM. 1909. VIII. P. 369–397; *Canaan T.* The Decipherment of Arabic Talismans // Berytus. 1937. IV. P. 69–110; 1938. V. P. 141–151; *Ebeid R. Y., Young M. J. L.* A Fragment of a Magic Alphabet from the Cairo Genizah // Sudhoffs Archiv. 1974. LVIII. P. 404–408; *Friedlaender I.* A Muhammedan Book on Augury in Hebrew Characters // JQR. 1907. XIX. P. 84–103; *Honeyman A. M.* A Muslim Charm from West Africa // GOST. 1947–1949. XIII. P. 53–56; *Stevenson W. B.* Three Arabic Charms from Damascus // Ibid. 1913–1922. IV. P. 44–45; *Idem.* Some Specimens of Moslem Charms // Studia Semitica et Orientalia. (J. Robertson Volume). 1920. P. 84–114; *Nykl A. R.* A Shepherd's Amulet // JAOS. 1949. LXIX. P. 34–35; *Phillott D. C., Shirazi M. K.* Notes on Certain Shi'ah Tilisms // JASB N. S. 1906. II. P. 534–537; *Phillott D. C.* A Muslim Charm (Arabic) Suspended over the Outer Door of a Dwelling to Ward off Plague and Other Sickness // Ibid. P. 531–532; *Schwab M.* Une amulette Arabe // JA. 1910. X/16. P. 341–345; *Shirazi M. K.* Note on a Persian Charm // JRAS. 1940. P. 11–12; *Taylor W. R.* An Arabic Amulet // MW. 1935. XXV. P. 161–165.

² The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Oxford, 1993. XVI; 1997. XII. (Далее — Khalili XVI и Khalili XII соответственно).

На протяжении последних десяти лет мусульманский Восток переживает бум, связанный с внедрением компьютерных технологий в областях, относящихся к национальной культуре и религиозным традициям. Если первоначально речь шла о достаточно простых демонстрационных программах, то постепенно авторы программных разработок начали ставить перед собой все более сложные задачи. На сегодняшний день можно говорить о возникновении нового феномена — «компьютерного пласта» мусульманской культуры. Создатели программ и круг пользователей, который охватывает ныне миллионы людей, видят в приложении новых компьютерных технологий к традиционным областям религиозного знания и культурной традиции способ их адаптации к условиям переживаемой миром информационной революции. Кроме того, современные технологии дают возможность исламу реализовать на новом уровне свою исходную задачу — представить корпус идей и образов, связанных с религиозной традицией, в виде доступных всему миру универсальных истин. В этой связи огромное развитие получает исламский интернет¹, который рассматривают как продолжение с помощью новых технических средств многовековой проповеди, начатой пророком в 622 году.

Использование программных продуктов, создаваемых в современном мусульманском мире, дает исследователю колоссальный выигрыш времени в обработке гигантских массивов информации, радикально решает вопрос доступа к оригинальным источникам. Возникновение и развитие «электронного ислама», безусловно, заслуживает самостоятельного изучения.

Целая серия электронных публикаций и программных продуктов, среди которых — сборники персидской поэзии (как классической, так и современной), содержащие около миллиона *байтов* (двустийший), существенно облегчает труд современного исследователя. Помимо поэтических текстов, которые можно прослушать, они содержат толковый словарь, биографические данные поэтов, сведения о теоретических основах стихосложения, образ-

¹ *Rippin A. Islam as Seen from America: Information Technology and Islam // Taquino. Bologna, 2001. II/1.*

цы рукописей и многое другое. Кроме того, эти диски оснащены поисковой системой, позволяющей осуществлять поиск и последующий анализ любой из словоформ, представленных в языке классической персидской поэзии¹. Также в нашем распоряжении была электронная версия сборника, содержащего 120 тысяч *ҳадӣсов*². Несомненно, одним из основных инструментов, значительно облегчающим работу с персоязычными источниками, является Толковый словарь персидского языка, составленный знаменитым иранским писателем и ученым ‘Али Акбаром Даххудой (1297–1375 / 1881–1955), доступный теперь и в электронном виде³.

Осуществление работы было бы невозможно без завершения систематического описания фонда рукописей Корана в собрании ИВР РАН, одного из крупнейших и ценнейших в мире. При этом следует отметить, что в работе использована лишь небольшая часть полученных в ходе описания коллекции материалов.

Центральная Азия, бывшая важной частью *дār ал-ислām*, естественным образом не осталась в стороне от процессов, происходивших в исламском мире (см. ниже). Более того, резкое возрастание роли суфийских братств⁴ ознаменовалось здесь значительным усилением роли магического в местной религиозной

¹ Dorj 2. Electronic Library of Persian Poetry. Tehran, 2001; Ganj-e Sokhan. Electronic Library of Persian Poetry. Tehran, 2002.

² Барнāмадж мавсӯ‘ат ал-ҳадӣс аш-шарӣф ал-Бухārӣ ва Муслим ва Мāлик ва Муснад Аҳмад ма‘ шарҳ ал-ма‘āнӣ ал-муфрадāt ли-‘адад 120 алф ҳадӣс шарӣф. (Энциклопедия благородных *ҳадӣсов*, [собранных] ал-Бухārӣ, Муслимом, Мāликом, а также «Муснад» Аҳмада и объяснения лексических значений 120 тысяч благородных *ҳадӣсов* (компьютерная программа)).

³ Луғат-нāма-йи ‘Али Акбар Даххудā (Словарь ‘Али Акбара Даххуды). Тегеран.

⁴ См.: Каталог суфийских произведений XVIII–XX вв. из собраний Института востоковедения им. Абу Райхана ал-Бируни АН Республики Узбекистан / Б. Бабаджанов [и др.]. Stuttgart, 2002. Труд является прямым продолжением работы над «Кратким каталогом», опубликованным в Берлине в 2000 году.

практике. Это, в свою очередь, привело к импорту (часто из Индии), копированию привозных и появлению целой серии оригинальных сочинений по проблеме. Об этом свидетельствуют и материалы коллекции восточных рукописей АН Узбекистана.

«Скрытым наукам» посвящены более ста сочинений из этого собрания, в основном, как нами уже отмечалось выше, переписанных в XIX веке¹. Здесь и трактаты, посвященные «бытовой магии», затрагивающие вопросы, волновавшие людей на протяжении столетий. Например, к каким магическим средствам можно прибегнуть, чтобы начинающий говорить ребенок вырос в красноречивого оратора; а тот, у кого слабая память, мог бы ее улучшить; о том, благодаря каким средствам можно достичь уважения и почета (№ 3868); «женский трактат» о магических заклинаниях, способных возбудить пламенную любовь мужа к своей жене и помешать тому, чтобы он взял другую жену (№ 3870, 3880). Сюда же можно отнести и труд о магических приворотных средствах (№ 3873), сочинение об определении дня, подходящего для облачения в новую одежду (№ 3877), трактат о счастливых и несчастливых днях (№ 3910). В духе современных методик конкурентной борьбы, «черного пиара» и антирекламы составлено сочинение о том, что надо сделать, чтобы покупатель перестали ходить в чью-либо лавку (№ 3871). Здесь же записки (№ 3878) о способах гадания; как узнать, кто победит, а кто будет побежден, — «способ Искандара» (Александра Македонского); о гадании с помощью шестигранной игральной кости; наставление о том, как магическим образом узнать час и день рождения человека²; таблицы для загадывания о том, исполнится желание или нет (№ 3911); заклинание против укуса скорпиона (№ 3872); сочинение о семи ангелах, управляющих семью днями недели (№ 3869); труд об исчислении людей

¹ См.: Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. V. № 3868–3918.

² Надо написать имя человека и его матери, расположить буквы в порядке *абджада* и затем, отделяя по семь букв, определить, сколько будет в остатке. Полученные результаты соответствуют часам и дням недели.

«скрытого мира» (рукопись содержит таблицу и текст заклинания, служащие для вызова так называемых *риджд̣ал ал-зайб*, то есть «мужей скрытого мира», с их перечислением (№ 3876)).

Отдельную группу составляют сочинения, посвященные гаданию на песке ('*илм ар-рамл*) (№ 3884–3891), гаданию по бараньей лопатке (№ 3908), описания целительных и магических свойств разного рода минералов, воды, животных, птиц (например, о пользе «главной коранической птицы» — удода) (№ 3875, см. также: № 3874, 3914–3916), сочинения, содержащие правила составления талисманов (№ 3913¹, 3917–3918), трактаты о магических кругах, квадратах, числовых фигурах (№ 3900–3902, 3909), сонники (№ 3903–3905), в том числе «Сонник Йūsуфа» (№ 3904), главного коранического истолкователя снов, труды по физиогномике (№ 3906–3907). Значительная часть сочинений посвящена гаданию по буквам, их числовому значению, соответствиям в мире горнем² (№ 3892–3898³).

Хотя коранический материал в той или иной степени присутствует в каждом из этих сочинений, для нас наибольший интерес представляют труды, связанные с наукой о гадании, опирающиеся на текст Корана. Здесь можно упомянуть привезенную из Индии копию «Книги о гадании» («Фāl-нāма») (№ 3879, см. также № 3894), приписываемую Джа‘фару б. Мухаммаду аҫ-Ҫāдику (80–148 / 699–765), шестому шиитскому *имāму*, традиционно признаваемому важнейшим авторитетом в области эзотерических и оккультных наук. В основе гадательной системы, изложенной в сочинении, лежат толкования ряда *āйатов* из тридцати *сūr* Корана, которые приводятся в переводе на персидский язык. Сюда же можно добавить анонимный трактат «‘Айн мамдūда ва фатх ал-‘азйз» («Удлиненное око и Драгоценное открытие») (№ 3881), посвященный *джафру* (в данном случае имеется в виду гадание

¹ Книга «талисманов Аристотеля», известная как «Книга тайн».

² Считалось, например, что каждой из двадцати восьми букв арабского алфавита соответствует определенный ангел.

³ Последнее имеет ссылку на некую «Книгу Āдама» («Ҫифр Āдам»).

по числовому значению букв) и скрытому смыслу некоторых частей Корана.

Еще одна «Книга о гадании» (№ 3882) переведена с арабского неким человеком по имени Ҳабīb Аллāх и составлена якобы по инициативе самого Хārūна ар-Рашīда (149–193 / 766–809), потребовавшего от лучших ученых написать труд, по которому можно было бы узнать о всем хорошем и дурном, что ожидает человека. По мнению автора, для получения ответа на этот вопрос надо произвести определенную манипуляцию над точками, нанесенными вверху и внизу проведенной линии, и по числу оставшихся точек следует искать ответ в соответствующей главе, на определенной странице и строке книги, разделенной на 144 главы¹.

Особый интерес представляет еще одна «гадательная книга», имеющая, в отличие от упомянутого выше сочинения № 3870, заведомо «мужские корни». Она представляет собой анонимный труд без названия, содержащий текст, составленный Абū ‘Алī ибн Сīной (370–428 / 980–1037). В предисловии рассказывается, как Ибн Сīнā, прибывший в Кашмир с сестрой, строго предупредил ее, чтобы она не выглядывала на улицу, так как в городе много очень опасных магов (попытка отучить гаремных затворниц флиртовать через открытое окно). Сестра не послушалась и высунула голову. Немедленно под чарами местного волшебника у девушки появились два настолько больших рога, что она не в состоянии была убрать голову из окна. Ибн Сīнā составил план мести всем волшебникам Кашмира, и они были истреблены. По просьбе «кашмирского царя» Ибн Сīнā написал книгу, заключающую способ гадания при помощи проведения черт; она состоит из 114 глав (что ассоциируется у мусульманина с соответствующим числом сūr Корана).

Как видно, имеющиеся сочинения этого типа отражают круг ежедневных забот и тревог: здесь любовь и ревность, конкуренция и болезни, страх за завтрашний день и интерес к неизведанному. Авторитетность сочинений часто обосновывается ссылкой

¹ Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. С. 245–256.

на мифического «великого автора» (Адам, Йўсуф, Искандар, Дāнийāl¹, Ибн Сйнā, Аристотель, Джа‘фар аҶ-Сāдиқ).

Магические практики, распространенные в русском Туркестане, не раз привлекали внимание отечественных исследователей и путешественников².

Выборка по узбекскому академическому собранию наиболее репрезентативна, однако подобный набор сочинений, происходящих из Центральной Азии, легко обнаружить практически во всех значительных собраниях мусульманских рукописей на территории бывшего СССР. Пример тому — Санкт-Петербургское академическое собрание восточных рукописей³. Необходимо также отметить, что огромное влияние центральноазиатских религиозных школ на мусульман Поволжья проявилось и в распространении здесь соответствующих магических практик⁴.

Очевидно, что прочтение и осмысление существовавших и существующих центральноазиатских магических практик, приемов и процедур, связанных с Кораном, невозможно без понимания общемусульманских концепций в этой сфере, восходящих на всем гигантском пространстве мусульманского мира к одному главному источнику — тексту Корана. Только поняв роль коранических текстов в мусульманской магии в целом, можно попытаться выявить специфику соответствующей собственно центральноазиатской традиции. Такая попытка в этнографии народов Центральной Азии прежде не предпринималась, и мы рассматриваем эту книгу как этап в решении этой интересной задачи. Следует отметить, например, что при наличии вышеупомянутых важных ра-

¹ В мусульманской традиции под этим именем соединяются два библейских персонажа — мудрец (Иез. 14: 14, 20; 28: 3) и автор «Книги Пророка Даниила», характер которой определил отношение к Дāнийāлу как к носителю знания о будущем и эсхатологических таинствах. См., например: *Лыкошин Н. С.* Указ. соч. С. 178.

² См. прим. 1 на стр. 13.

³ См., например, рукописи В 2246, В 4281, С 1550 // Арабские рукописи. С. 470–476.

⁴ См., например, рукописи В 857, В 2867, В 2874, В 2988, В 3554, В 3702, D 473 // Там же.

бот, посвященных центральноазиатским амулетам, их тексты до сих пор систематически не читались и не интерпретировались. Такая задача может быть решена лишь при их соотнесении с соответствующими кораническими *āyāt*ами с учетом всей палитры их магического использования.

* * *

Европейскому обыденному сознанию свойственно полагать колдовство и магию знаковыми составляющими исламской цивилизации. Давно замечено, что «образ соседа» действительно аккумулирует существенные элементы его культуры. Такой образ ислама формировался у европейцев под влиянием значительного научного и технологического превосходства мусульманского мира в Средние века, определяющего воздействия мусульманской философии и комплекса естественных наук на средневековую европейскую философию и науку. Этот образ значительно окреп в эпоху Просвещения в связи с ошеломляющим успехом опубликованных Антуаном Галляном (1646–1715) сказок «Тысячи и одной ночи» (ил. 1), которые вызвали обостренный интерес к восточной экзотике. Начало колониальной эпохи, поход Наполеона в Египет, работы европейских ученых-дескриптивистов в Египте, Персии, Северной Африке, Османской Турции¹ укрепили представление о магическом начале, играющем существенную роль в культуре ислама. Тем более что мусульманская цивилизация периода упадка снабжала европейцев огромным материалом, связанным с областью оккультных наук. При этом эволюция взглядов европейцев на проблему естественным образом следовала изменениям, происходившим в исламской науке и культуре, верованиях и обычаях.

Коран, собрание текстов, которые были произнесены Мухаммадом между 610 и 632 годами главным образом в Мекке и Медине, являющийся самым ранним и наиболее достоверным прозаическим памятником важнейшей в истории Аравии эпохи,

¹ См., например: *Лэйн Э. У.* Указ. соч. С. 198–234; *Doutte E.* Op. cit.; *Hayes H. E.* Op. cit.; *Westermarck E.* Op. cit.; *Donaldson B. A.* Op. cit.

сохранил безусловные доказательства влияния на до- и раннеисламскую Аравию оккультных наук древних ближневосточных цивилизаций.

Исторические события и процессы VII–VIII веков обозначили резкие и глубокие перемены в судьбах народов и стран ближневосточного региона. Благодаря наступательному порыву мусульманских армий завоевания «выплеснулись» далеко за границы Передней Азии. На обломках государственных образований поздней Античности возникали государства мусульманского Средневековья, включившие в свои границы огромные пространства и миллионы людей. Ислам становится идеологией общества, находящегося на ином уровне развития, и должен был отвечать его потребностям и запросам, соответствовать базовой системе взглядов и социальных представлений. Важно, однако, отметить, что столь впечатляющий успех ислама как идеологии был бы невозможен без глубинной связи культуры, религиозных и социальных представлений народов Ближнего Востока с культурой и историческим опытом аравитян. Происходивший синтез был основан не только на общих базовых ценностях, но и на целом комплексе частных представлений, в число которых входили представления о сверхъестественном мире и о возможных путях взаимодействия с ним.

На огромном пространстве от Пиренеев до Памира формировалась система религиозных предписаний и социальных установлений, этико-культурных норм и стандартов общения, возникала новая общезначимая знаковая система, центром которой стал Коран. Сакрализация его языка сыграла важную роль в сложении на покоренных территориях новой социально-коммуникативной системы. При этом текст Корана, его отдельные *сūры*, *āйаты*, слова и буквы, являясь частью сакральной системы, приобрели собственную сакральность и в этом качестве стали объектом магических действий различного рода.

Среди принявших ислам оказалось много выходцев из неарабской и иноконфессиональной среды. Осевшие на покоренных территориях арабы быстро освоились с новыми культурными горизонтами. Началась общая и необычайно интенсивная культур-

ная работа, в том числе переводческая. На арабский с греческого, пехлевийского, сирийского, других языков были переведены сотни сочинений по естественным и точным наукам, философии, алхимии, медицине, науке о звездах, музыке. К X веку на арабский язык был переведен целый ряд связанных с магией сочинений, возникших в Византии, Персии, Индии. В ходе сложения классической арабо-мусульманской культуры эти знания были органично включены в ее ткань. Возникла новая синкретическая культура, сыгравшая роль своеобразного «моста» между эллинизмом и европейским Возрождением. По меткому выражению Франца Роузенталя, то была эпоха «торжества знания». С каждым годом пытливые умы заставляли мироздание открывать людям все новые и новые тайны. Мысль становилась необычайно смелой, ее горизонты — бесконечными. Атмосфера того времени была в чем-то сродни духу «победы над природой», царившему в Европе в конце XIX — начале XX века. В этом контексте оккультные знания представлялись многим «черным ящиком», законы которого не познаны лишь до поры до времени.

Магия в средневековом сознании выполняла функцию, фактически идентичную роли науки, — она, как и наука, служила познанию и была призвана помогать человеку управлять различными силами окружающей его среды, предсказывая их возможные проявления. Но существовала и запретная область знания, проникновение в которую человеческого разума противоречило Божественным законам, обладая при этом особой притягательностью. Именно такое, совсем неоднозначное, представление о мусульманской магии и ее мощи проникало в средневековую Европу вместе с переводами арабских научных трудов.

Мы можем говорить о *мусульманской магии* как о самостоятельном явлении, отделяя ее от доисламской, западной и других традиций благодаря тому факту, что источником силы, к которой она прибегает, является Аллах. Поэтому надписи, придающие действенность талисманам, главным образом составлены из коранических цитат, «прекрасных Божественных имен», призывов к Аллаху и молитв, утверждающих непоколебимую веру в Него. К Божественной помощи прибегают в борьбе против враждеб-

ных сил — дурного глаза, *шайтāнов* и *джиннов*, существование которых подтверждается Кораном. Такой метод находился в соответствии с догматом о всемогуществе Аллаха и не вызывал неодобрения мусульманских богословов. Однозначно порицалась магия, использовавшая противоположные, демонические силы.

Однако нельзя забывать, что собственно мусульманским магическим формулам сопутствовали многочисленные символы доисламского происхождения. Со временем их исконное значение и происхождение забывались, однако они оставались на амулетах с целью усиления их действенности.

Важнейшим стимулом к развитию науки о магических свойствах коранического текста в целом и всех его составляющих стала ожесточенная борьба за власть в Халифате, в которой комментари и толкования к Корану — *тафсīры* — были призваны стать важнейшим идеологическим оружием. Одновременно создавались откровенно суннитские и проалидские комментарии¹. Шиитские авторы вменяли в вину своим противникам заведомое искажение (*тахрīф*) текста Корана и уничтожение ряда ключевых *āйатов*. С помощью различных методик аллегорического толкования (*та'вīл*) Корана (перестановки огласовок и логических ударений, особые манипуляции с буквами и т. п.) проалидские авторы интерпретировали ряд отрывков в пользу 'Али и его потомков. Так произошло разделение общины на сторонников буквального понимания и толкования коранического текста (*ахл аз-зāхир*) и тех, кто искал в Коране «скрытый», «тайный» смысл (*ахл ал-бāтин*).

Новый импульс магия слов получила после появления исмаилитских толкований к Корану². Подвергая аллегорическому истолко-

¹ Например, *тафсīр* суннита ал-Маккī (21–100 / 642–718) и таких проалидских авторов, как ал-Дж'уфī (ум. 126–7 / 746) и ас-Суддī (ум. 127 / 745).

² Подробнее об исмаилитском *та'вīле* см.: Семенов А. А. Взгляд на Коран в восточном исмаилизме // Иран. 1927. I; Nanji A. Towards a Hermeneutic of Qur'ānic and Other Narratives in Isma'ili Thought // Islam and

ванию отдельные *āyat* и понятия (часто это термины, обозначающие землю, небо, горы, деревья), исмаилиты использовали коранический текст для доказательства истинности своей эзотерической космогонии и учения о спасении. В сочинениях исмаилитов «оболочка» коранических текстов наполнялась идеями и образами, восходящими к неоплатоникам. Впервые эти мысли были высказаны в толкованиях, принадлежащих авторам из круга «Братьев чистоты» («Ихвān ас-ṣафā'»)¹. В последнем трактате своей энциклопедии «Братья» рассматривают все аспекты магии, которая, по их мнению, обязана своим существованием священным книгам разных народов, трудам античных философов и астрологии.

Новый этап в развитии мусульманской магии связан с распространением суфизма, включившего оккультные знания в свою «науку» (*'ilm at-taṣawwuf*). Суфийские экзегеты искали обоснование своим далеким от буквального смысла толкованиям в обращении к авторитету шиитских *имām*ов и к методикам работы с текстом, разработанным шиитскими авторами. Сторонники «духовного» *ta'wīl*а видели четыре смысла каждого *āyat*а или буквы. Обычно истолковывали первые два смысла — *zāhir* и *bāṭin*, причем «явный» считался доступным всем мусульманам (*al-āmma*), а «скрытый» — лишь избранным (*al-ḫāṣṣa*). В этом суфийский *ta'wīl* близок исмаилитскому и шиитскому.

Согласно крупнейшему философу-мистику Ибн ал-'Арабī (560–638 / 1165–1240)², лишь «познавшие» (*al-ārifūn*, *al-muḫakkimūn*, *ahl Allāh*) могут постичь глубинные взаимосвязи «внутреннего» и «внешнего» аспектов пророчества. Скрытый смысл постигался суфием в состоянии мистического транса. В его сознании эсхатологические образы, легендарные сюжеты или малопонятные сло-

the History of Religions: Essays in Methodology / ed. by R. C. Martin. Berkeley, 1982.

¹ *Marquet Y.* Coran et Création. Traduction et commentaire de deux extraits des Ikhwān al-ṣafā' // Arabica. 1964. XI. P. 279–285; *Idem.* Philosophie des Ikhwān as-ṣafā'. Algiers, 1975.

² См.: *Knysh A.* Ibn 'Arabi in the Later Islamic Tradition: The Making of a Polemical Image in Medieval Islam. N. Y., 1999.

ва будили сложную гамму ассоциаций. Магические практики становятся основой суфийской экзегетики.

Позиция различных школ мусульманского богословия по отношению к теоретическим построениям и практическим рекомендациям, связанным с коранической магией, в значительной мере формировалась в ходе полемики о святых (*аулиййā*) и чудесах (*му'джиза, āйа, карāма*). Например, мутазилиты, представители первого крупного направления в мусульманской спекулятивной теологии (*калāме*), рассматривали чудеса как *сихр*, однако эта точка зрения не возобладала, и постепенно в суннитском богословии представление о *сихре* отделилось от представления о чудесах.

В самом общем смысле термин *сихр* описывает тот круг понятий, который мы понимаем под магией, включая различные способы гадания, предсказания событий, использование свойств предметов и знаков, лекарственных растений, составление заклинаний, изготовление талисманов, способы взаимодействия с потусторонними силами, а также методы «фальсификации реальности», заставляющие человека верить в явления, противоречащие объективным данным его собственных органов чувств (например, *'илм ал-хафā*' — искусство становиться невидимым) и т. д. Т. Фахд выделяет три аспекта, составляющих понятие *сихр*:

— «белая магия», основанная на подчинении воле Аллаха, в свою очередь, подразделяется им на *нйрандж* (фокусы, создание иллюзий)¹, *рукйа* (использование магических формул) и *сймийā* (гипнотизм, а также использование тайных свойств букв);

¹ В американском варианте английского языка сформировалось четкое орфографическое разделение значений термина «магия», восходящее к работам «самого великого чернокнижника нашего века» Алистера Кроули: для обозначения оккультных наук используется написание “magick”, а для обозначения действий иллюзионистов и фокусников — традиционное “magic”.

— теургия (использование тайных свойств небесных тел и чисел при изготовлении талисманов);

— «черная магия» (то есть совершение магического акта при помощи демонических сил, постижение запретного для человека знания).

В основе разделения магии мусульманскими богословами на «одобряемую» и «порицаемую» лежит принцип «непричинения вреда» и вопрос о происхождении силы, с помощью которой совершается то или иное магическое действие (сила Божественного происхождения для «белой магии» и земного или демонического — для «черной»).

Именно в последнем значении *sıxır* упоминается в Коране (23 раза). *Sıxır* представляет собой осколки сокровенного небесного знания, переданного людям двумя ангелами — Хārūтом и Mārūтом (2:102) — в качестве искушения (ил. 2). Для Мухаммада, которого его противники называли колдуном или «очарованным», чрезвычайно важно было показать исключительность пророческой миссии (чудеса (*āyāt*), сотворенные Mūсой, Ибрāхїмом, ‘Йсой, неоднократно упоминаются в Коране), противопоставив ее языческой магии и греховному волшебству (мусульманское предание повествует о том, что сам Мухаммад на протяжении сорока дней шестого года *хиджры* находился во власти чар иудея-колдуна). Еще более определено *sıxır* порицается в *хадїсах*, где он упоминается «среди семи грехов, заслуживающих смерти», наряду с многобожием; каждому правоверному предписывается убить «всякого колдуна и колдунью»; «наказанием для колдуна [служит] обезглавливание мечом» и т. д.

Необходимо еще раз отметить, что вышеизложенное относится к кораническому термину *sıxır* в значении «черной магии» и не охватывает всех смыслов этого слова. В мусульманском мире процветали оккультные науки и разнообразные формы магии, которые не могли быть упразднены авторитетом одних богословов, ибо опирались на авторитет других. Рождались предания, в которых использование магии оправдывалось примером самого пророка и его ближайшего окружения (как отмечает

Фахд¹, в многочисленных сочинениях, озаглавленных «аṭ-Ṭибб фй ал-Қур'ән» («Лечение по Корану»), представлено множество образцов подобного рода). Более того, постепенно сам текст Корана все больше вовлекался в круг магических практик, выступая в роли талисмана или оракула. Среди людей было «больше веры в магическое использование книги, чем понимания ее смысла»². И сегодня, как и прежде, для мусульман, незнакомых с арабским языком, особую значимость представляет Коран звучащий. Рецитации Священного текста всегда отводилось важное место в корпусе коранических наук, наиболее желаемой целью было приближение с помощью особой техники рецитации и организации дыхания к состоянию самого пророка во время получения откровений³.

К XIII веку не только в богословских сочинениях, но и в общественном сознании возникло и получило закрепление представление о двух видах магии:

Таблица 1⁴

	<i>Аṭ-тарйқа ал-махмӯда (одобряемый путь)</i>	<i>Аṭ-тарйқа ал-мазмӯна (порицаемый путь)</i>
Происхождение	От Адама и его дочери Анақ, к Сулаймāну и/или древнему индоиранскому культурному герою Джамшйду	От Иблйса к его дочери (или дочери его сына) Байдāхе От ангелов Хārўта и Мārўта
Источник силы	Аллах	Джинны и шайṭāны
Исполнители	<i>Ал-му'аззимўн</i> (заклинатели)	<i>Ас-сахара</i> (колдуны)

¹ *Fahd T. Siḥr* // EI.

² *Donaldson B. A.* Op. cit. P. 130.

³ *Хисматулин А. А.* Суфийская ритуальная практика. СПб., 1996. С. 104–105.

⁴ Таблица составлена на основе следующих работ: *Donaldson B. A.* Op. cit.; *Doutte E.* Op. cit.; *Hayes H. E.* Op. cit.; *Westermarck E.* Op. cit.

Окончание табл. 1

	<i>Ат-тарйқа ал-махмұда (одобряемый путь)</i>		<i>Ат-тарйқа ал-мазмұна (порицаемый путь)</i>	
	Виды	<i>Ар-рухāни</i> (духовная) «Высокая» (‘улвй, ‘илвй)	«Божественная» (<i>рахмāнй</i> — связанная с Милосердным)	Низкая (<i>суфлй</i>)

Маги обеих категорий широко использовали различные ухищрения «технического свойства» (оптические иллюзии, наркотические средства и т. п.), которые получили название *ас-сймиййā* (от *сйма* — «знак», «признак», «качество»).

Пророк сам не раз сталкивался с «черным» колдовством, о чем свидетельствуют две последние сūры Корана, 113-я и 114-я, связанные с охранительной магией и получившие название *ал-му‘āввизатāни*:

113-я сūра «Рассвет»

Во имя Аллаха Милостивого,
Милосердного!

1. Скажи: «Прибегаю я к Господу рассвета
2. от зла того, что он сотворил,
3. от зла мрака, когда он покрыл,
4. от зла дующих на узлы,
5. от зла завистника, когда он завидовал!»

114-я сūра «Люди»

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

1. Скажи: «Прибегаю к Господу людей,
2. царю людей,
3. Богу людей,
4. от зла наущателя скрывающегося,
5. который наущает груди людей,
6. от джиннов и людей!»

Согласно преданию некий иудей по имени Лубаид и его дочери околдовали Мухаммада, завязав одиннадцать узлов на веревке, которую затем спрятали в колодец. В результате пророк тяжело заболел. Но Аллах ниспослал ему эти сūры, и Мухаммад

смог найти веревку, прочитал над нею одиннадцать строк двух *сӯр* и освободился таким образом от колдовства, поскольку с каждой из произнесенных строк на веревке развязывалось по узлу.

Мутазилиты, как и ханафиты и шафииты (то есть последователи трех из четырех *мазхабов*, исламских богословско-правовых школ), считали, что «запретная» магия не изменяет сущности вещей. По их мнению, ее суть — воздействие на субъективные ощущения при помощи различного рода специальных методов (то есть, по существу, *ас-сӣмиййā*). Однако эта точка зрения не стала господствующей. Ал-Ғазālī (450–505 / 1058–1111), как и богословы-традиционалисты, считал заслуживающей порицания магию вообще, хотя и не подвергал сомнению саму возможность сношений с *джиннами* и использования их могущества в земных делах¹.

С XV века имеет место все большая вовлеченность суфийских братств в политические процессы. На огромной территории от западной оконечности Магриба до Балкан и от Персии до современной Индонезии братства становятся важнейшими политическими игроками. В Центральной Азии и Персии ключевую роль стали играть братства, исповедовавшие смешанную суфийско-шиитскую доктрину. Торжество суфийской традиции сделало исламскую магию по-настоящему народной. Именно с этим обстоятельством связан расцвет магических искусств в Персии, Центральной Азии, Магрибе. Откровения и видения, предчувствия и прорицания, сновидения и символы, заклинания и заговоры, магия чисел и слов стали важнейшими элементами и доктрины, и образа жизни. Ритуалы, музыка и пение, специальные системы ритмически организованных движений, благовония и наркотические снадобья все более активно использовались для достижения особых состояний сознания. Популярность и «народность» суфийских учений привели к возможности дополнительной абсорбции языческих элементов. Связь оккультных знаний с развитием суфизма проявляется также в том, что высшим до-

¹ *Fahd T. Sihr* // EI.

стижением Божественной магии является познание «величайшего из имен» Аллаха (*ал-исм а'азам*). Знание этого имени давало власть воскресить и убить, перенестись куда угодно, совершить любое другое чудо.

Несмотря на активное неодобрение рядом видных суннитских теологов, различного рода магические действия и оккультные знания составили одну из важнейших сторон культуры всех слоев мусульманского общества. Суфийская экстатическая практика, гадания на Коране с использованием текстов отдельных *сӯр* и *āйатов*, талисманы, среди которых особое место занимают крошечные Кораны, специально переписанные отдельные *сӯры* и *āйаты* были и являются характерной чертой мусульманского быта. Без учета этих особенностей невозможно ни представить себе, ни описать феномен Корана.

Средневековые мусульманские авторы уделяли большое внимание вопросам особых свойств Корана — *хаваṣṣ ал-Қур'āн*¹. Наука об этих свойствах является своеобразным соединением рапсодомантии (то есть гадания по различным текстам, особенно священным) и иатромантии (гадания с целью узнать способы исцеления недуга, сроки выздоровления или смерти больного), сопутствующей медицинской диагностике, поскольку в основном рассматриваются целительные свойства отдельных *āйатов* и *сӯр*. Одним из наиболее значительных сочинений, содержащих многочисленные сведения о магическом использовании Священного текста и способах достижения с его помощью сокровенного знания, является «Китāб манāфи' ал-Қур'āн» («Книга о пользах Корана»), написанная Абӯ 'Абд Аллāхом ат-Тамйми в конце IV/X века².

¹ Е. А. Резваном было подробно проанализировано одно из сочинений этого круга, источником которого, согласно традиции, является произведение Джа'фара ас-Сāдиқа, переведенное на персидский язык 'Абд Аллāхом б. Муҳаммадом б. Хусайном в 926 / 1520 году (см.: *Резван Е. А. Указ. соч.* С. 343–350).

² Одна их дошедших до нас рукописей находится в библиотеке Стамбульского государственного университета (А 2243).

Существование и широкое распространение разнообразных видов магии являются наряду, например, со сложной судьбой фигуративного искусства свидетельством неоднозначности доктринальной парадигмы ислама в целом: с одной стороны, отношение представителей различных направлений ислама к этим темам в разные века в различных регионах варьировалось и варьируется от снисходительной толерантности до жесткого запрета, а с другой — как изображения человека и живых существ, так и магия активно практикуются в мусульманском мире.

